

Конечно, если смотрѣть только на композиторовъ, въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ у насъ появилось въ числѣ ихъ нѣсколько людей гениальныхъ, и значительное количество людей высокоталантливыхъ, которые создали русскую музыкальную школу и подняли наши музыкальныя созданія на такой возвышенный и самостоятельный уровень, до какого они прежде никогда не поднимались. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстная доля публики нашей достигла такого развитія музыкальнаго пониманія и вкуса, какого не существовало въ прежніе періоды даже у самыхъ выдающихся людей изъ среды публики. Но есть обратная сторона медали: это — большинство русскихъ музыкальныхъ сочинителей и сочиненій, большинство русской музыкальной критики, большинство русскихъ музыкальныхъ вкусовъ и понятій.

Ни одно искусство такъ не распространено у насъ, какъ музыка. Нѣтъ такого дома, нѣтъ такого семейства, гдѣ бы не производилась музыка, гдѣ бы отецъ, мать, сынъ дочь, дяди, тетки, племянники и внуки не играли бы и не пѣли бы, который-нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, или всѣ сплоснъ. Нѣтъ, кажется, ни одной квартиры, гдѣ бы не было фортепіанъ и нотъ, и гдѣ бы не раздавались, въ продолженіе цѣлаго года, зимой и лѣтомъ, осенью и весной, отъ утра и до вечера, звуки хорошей или плохой музыки. Всѣ играютъ, всѣ поютъ. Безъ этого быть нельзя, безъ этого жить невозможно. По другимъ искусствамъ это не такъ. Тамъ „исполнителемъ“ является не каждый человѣкъ изъ публики, а только немногіе: либо художники, либо дилеттанты. Остальная публика только придетъ, посмотреть и уйдетъ; а какія дома висятъ картины, фотографіи или гравюры по стѣнамъ — на тѣ, обыкновенно, никто никогда и не смотритъ, послѣ перваго раза: къ нимъ давно привыкли, на нихъ столько же обращаютъ вниманія, какъ на обои, вазочки и всякія bric-à-brac, тѣснящіяся на полочкахъ и этажеркахъ. Это все матеріалъ скромный, молчаливый, не притязательный, нѣмой. Но попробуйте-ка сдѣлать такъ, чтобъ не услышать того, что поется и играется цѣлый день, дома и въ гостяхъ! И оттого всѣ—меломаны, всѣ страстно любятъ музыку, всѣ ею интересуются до корней души, про нее круглый годъ разговоръ, и за обѣдомъ, и за мазуркой, и на гуляньѣ, и въ коляскѣ—про живопись со скульптурой поговорять раза два въ году, „въ свое время“ —и конецъ! Развѣ можно сравнить двѣ-три-четыре выставки въ году, съ тѣми безчисленными концертами, съ тѣми бесцѣтными оперными представленіями, съ тѣми несмѣтными тысячами „пѣній“ и „фортепіанныхъ игръ“, которые выпадаютъ на долю каждого? Конечно, кое-кто изъ публики и рисуетъ, ко